

АЛЕКСЕЙ
РЕШЕТОВ

избранное

Алексей Леонидович Решетов

Избранное

Серия «Библиотека российской поэзии»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9746168

Избранное. Стихотворения и поэмы: Издательство «Маматов»; СПб.;

2009

ISBN 978-5-91076-016-9

Аннотация

Предлагаем вашему вниманию сборник стихов Алексея Решетова.

Содержание

Слово о поэте	7
1950–60-е гг.	25
Сумерки	26
«Ещё не знаешь точно дня рожденья...»	27
Руки	28
«Знакомая запевочка...»	29
«На траве золотистые блики...»	30
«Кофточка застенчивого цвета...»	31
Земля	32
Небо	33
«Ставень хлопнул...»	34
«С лесной берёзы, с белого плеча...»	35
Дворик после войны	36
«Какие чудо-маки...»	37
«Настали дни суровые...»	38
«Я помню: с тихой улыбкой...»	39
«Ах, до чего же осень глубока!..»	40
«Может, чёт – а может, нечет...»	41
Михайловское	42
«Ах, Пушкин, Пушкин, милый Пушкин...»	43
Поэты	44
Костёр	45
Белый лист	46

«Мы в детстве были много откровенней...»	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

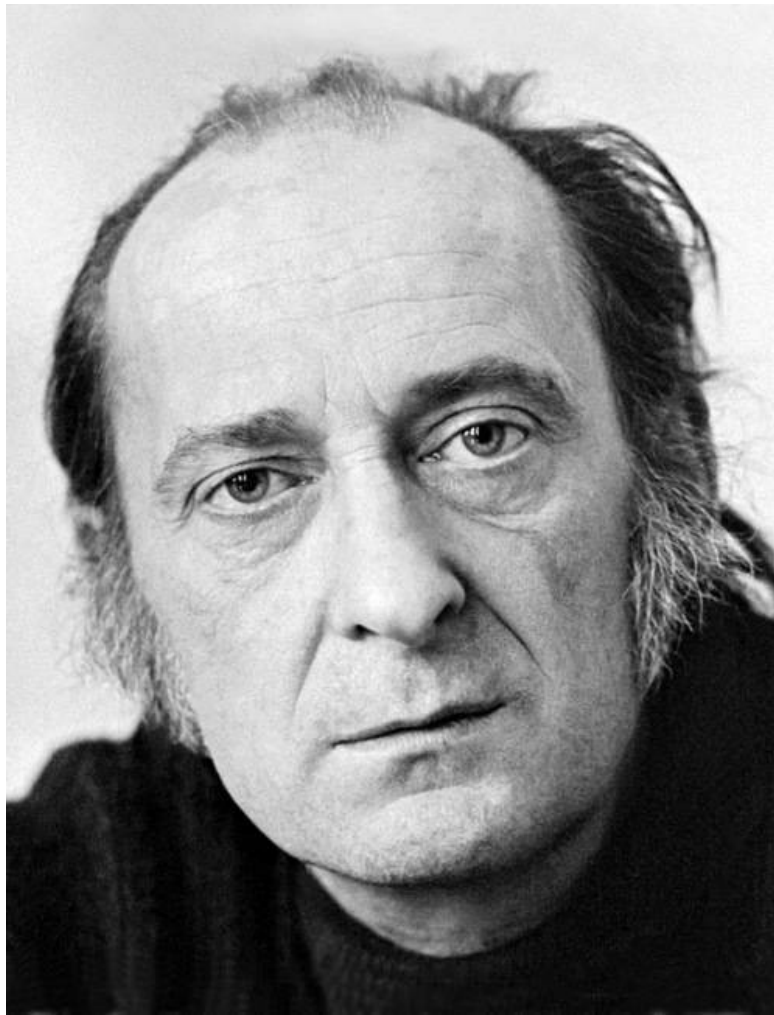
**Алексей Леонидович
Решетов
Избранное.**

Стихотворения и поэмы

© А. Л. Решетов, наследники, 2009

© В. Бороздин, А. Зернин, фото

© ООО «Маматов», 2009

Слово о поэте

Много в этом сборнике стихотворений о себе, о поэзии, об ощущении прожитых лет, их тяжести и прелести, и много-много нежно-неповторимого, по-решетовски проникновенно пропетого о женщине, о любви, что и являлось всегда первостепенным «продуктом» поэзии. А «ударных» стихов, с лихими запевами и зазвонистыми концовками в этой книжке не ищите.

*Тот, кто вечной славы ищет,
Возмнив, что он пророк,
Не посмеет, не освищет
Наших выстраданных строк.*

Закрываю сборник «Не плачьте обо мне», а в сердце моём звучит музыка капли и в каждой капле – зёрнышко солнца, семя небес, земная пылинка, крупинка сломанного луча от мерцающих звёзд. И трепещет, трепещет в груди ожидание уединённо-радостного звука падающей капли, этого, по-русски певучего, складного слова.

На душе сладостно и печально.

*Виктор Астафьев (Из предисловия к сборнику стихотворений
Алексея Решетова «Не плачьте обо мне», 1999)*

Алексей Решетов был представителем совершенно особо-

го поколения: с ним и доживали и выдыхались две великие российские культуры – дворянская, ведомая идеалами чести («Мой долг – служить Отечеству»), и крестьянская, естественно включенная в природный круговорот (землю надо любить); и именно они, эти отцы и дети, спасли нашу культуру и память после – тогда говорили именно так – Великой Октябрьской Социалистической революции и Великой Отечественной войны. <...>

<...> он показал нам, что единственный способ жить – это быть самим собой, иначе не стоит и начинать. Жить самостоятельно трудно всегда, безупречная самостоятельность – редкость, удел посвященных, тайна. Но в те годы, когда он становился известным поэтом, это было особенно трудно по многим весьма уважительным причинам. И главная – вовсе не лагерный режим страны, как утверждают задним числом.

Главная, пожалуй, то, что небывалый, невероятный успех поэзии в оттепельные времена (поэты действительно собирали стадионы и действительно были национальными героями) вызвал к жизни особый образ поэта, особый стиль жизни, который нравился, приветствовался как современный, свободный и желанный. После страшной войны, послевоенной нищеты и железного аскетизма пятидесятых этот – новый – стиль казался исполненным жизни и блеска. Все читали стихи, все писали стихи и были уверены, что поэт должен быть таким, как Евтушенко, – высоким, нарядным, столичным, звездным, с широким жестом и мальчишеской улыб-

кой... <...> Все любили Хемингуэя, пели про Париж, все куда-то спешили, летели, ехали – коли не в Париж, так на Сахалин или на Колыму, на коктебельские пляжи или на Рижское взморье... А Решетов: «От кирпичного завода на кожевенный завод...» Тогда лихо цитировали: «Постель была расстелена, и ты была растеряна...», а он писал: «Я встреч с тобой боюсь, а не разлук». <...>

Он обладал достоинствами столь редкими и столь высоко-го ранга, что их – за редкостью – мало замечают и ценят. Он никогда не требовал особого к себе отношения, не унижался до сведения счетов, не обижался на время, родину и народ, понимал, что за отрицанием почти всегда стоит невежество, не кичился ни своим даром, ни своими утратами, говорил то, что думал, делал так, как говорил... То, что со стороны такое поведение выглядело скорей слабостью, чем силой, мало его волновало: человек на все времена – всегда человек не ко времени. <...>

На свете чрезвычайно мало людей, способных любить землю так страстно, нежно, неизменно и счастливо, как Алексей Решетов. Существует естественная и совершенно искренняя привязанность человека к родному краю, существует связанная с надеждой на исцеление вера в спасительную силу природы, но редкие люди могут любить землю как живое существо, тосковать и болеть без нее и умирать в разлуке с нею. Это не тема природы и не пейзажная лирика, это главная любовь в жизни, это обо всем, и она же – любовь к

матери, к женщине, она же преданность делу, только потому, что дело – тоже любовь и служение земле. <...>

На Урале А. Решетова любили всегда, переписывали его стихи и берегли изданные в Перми (по месту жительства) его книжки. На Урале к славе относятся строго. Никто не замечает, что все высокие и пышные слова об Урале («ровесник древней нашей славы и славы нынешней творец», «геологический рай» и т. д.) сказаны людьми не здешними. Здесь говорят не «драгоценный камень», но «камень», следовательно, не «великий поэт», но ПОЭТ. Или еще строже: Решетов.

Поэзия живет в настоящем времени. То есть всегда, то есть сейчас.

*Лежу на больничной постели,
Мне снится рябиновый сад.
Листочки уже облетели,
А красные гроздья – висят.
И мать говорит мне:
«Мой мальчик,
Запомни, когда я уйду,
Что жизнь наша горче и ярче,
Чем ягоды в этом саду».*

Он и сам не знал, как это делается: он слушал и говорил. И его зов: «я буду кормить тебя ивовым медом и хлебом пшеничным...», не имеющий никаких шансов быть услышанным, полон любви и нежности и живет над нами, как спаси-

тельное небо, под которым наши обычные глухота и нелюбовь уже не имеют силы.

Майя Никулина (2002)

Имя и стихи Алексея Решетова хорошо известны всем, кто живет в азиатской части России, от Уральских гор до Дальневосточного побережья Тихого океана. Знают поэзию Решетова и в Москве, и на Русском Севере. Правда, у литературной Москвы память короткая, особенно в эти первые годы третьего тысячелетия: кто не в тусовке, тот – за порогом столичного восприятия и оценки своих опусов. Алексей Решетов – поэт российской глубинки, русской глубины мысли, чувства и воображения, поэт-выразитель русского национального отношения к себе, к людям, к миру, ко всему живому и мертвому, к боли, к счастью, к трагедии, к настоящему, прошлому и будущему, к Богу и к душе. А. Решетов – поэт национальный, то есть не рациональный по-европейски, а стихийный по-русски: его стихи – это нравственно-эстетическая модель русского зрения и говорения, русского менталитета, в основе которого всегда болит и дышит горестное счастье бытия.

«Серебряный голос России», – так определяет поэтическое своеобразие А. Решетова другой, не менее крупный, светлый и трагический поэт, живущий на Урале, – Майя Никулина. <...>

Основа его поэтического мышления и говорения – слово. И поэтому для него такие слова, как *Мать, Отец, Россия,*

Бог, Небо, Жизнь, Любовь и Смерть, – это не поэтические междометия, насыщенные риторикой и дидактикой: для Решетова эти слова – суть выразители громадных, глобальных эмоций жизни, смерти и любви. Стихи Решетова больны счастьем существования и исчезновения, они светлы и пронзительны горькой радостью жизни. Это рябиновые стихи. Даже поэтический язык Решетова визуален и вполне представим – он весь как куст лесной, дикой рябины: отчётливая строфика и синтаксис ствола, веток; непритязательная, но чистая, если не чистейшая, фонетика и рифмы парных резных листочков и, наконец, редкие, но нестерпимо яркие гроздья слов, в которых кровь и смысл – едины.

Русское слово – как и слово любого другого языка – перенасыщено тайным знанием, историко-культурной и национально-этической семантикой. Решетов как истинный русский поэт не мешает слову освобождать потрясающую красоту и смысловую энергию в стихе, в ритме, в укрупненном контексте, когда текст, история, судьба, жизнь, трагедия и надежда-любовь соединяются в живой и живительный сгусток прекрасного, смертного, бессмертного, сильного, слабого, а главное – мудрого. Алексей Леонидович Решетов – поэт-мудрец: мудрец-ребенок, мудрец-мужик, мудрец-старец, мудрец-народ. Он чувствует и выражает природу, мир и саму душу жизни – как животное, как птица, как воздух, как огонь и вода. Вот почему стихи Решетова – это стихи-спасители данного места, данного времени, в которых обитает

душа. Стихи А. Решетова – непередаваемы на другой язык, поэтому и международное признание ему не грозило. Естественно, как, например, И. Бродский, А. Решетов мог и смог бы сочинять стихи переводимые, скажем, на английский или какой-нибудь другой индоевропейский язык. Но не стал. Потому что человек Решетов не позволил бы поэту Решетову сделаться стихописателем. Человек Решетов вообще помогал поэту Решетову – и своей горькой (а порою и страшной) судьбой, и своей феноменальной скромностью и добротой, и своим самовольным отречением от обывательского, теплого, комфортного и бездумного обихода и уклада жизни большинства нечитающей части населения планеты. Поэт Решетов помог человеку Решетову выжить. Уцелеть после долгой и сплошной череды трагедий. Трагедия поэта – множественна: гибель репрессированного отца, незаконное репрессирование матери, сталинские лагеря, ссылка, трагическая кончина любимого брата Бетала, клеймо сына врага народа, тяжелейший труд на шахте, рвущая душу разобщенность близких людей, любовные драмы и катастрофы, повторяющиеся и учащающиеся разлуки, предчувствие своей, персональной, главной разлуки... Всё это – Решетов. Решетов – поэт и человек.

*Заколочены дачи.
Облетели леса.
Дорогая, не плачьте,
Не калечьте глаза.*

*Все на свете не вечно —
И любовь, и весна.
Только смерть бесконечна,
Тем она и страшна.*

А. Решетов – поэт монографический: всю жизнь он будто бы писал одно стихотворение, да и вся его поэзия, все написанное им – это одно бесконечное стихотворение. Стихотворение-взгляд, стихотворение-мысль, стихотворение-образ, стихотворение-боль, стихотворение-смерть, стихотворение-любовь, стихотворение-душа.

Решетов обладал абсолютным слухом и зрением, а еще совершенным чувством оптимального объема стихотворения. Тематически его стихи монолитны («Земля и небо, жизнь и смерть»), поэтому обозримое литературное наследие А. Л. Решетова не являет дифференцированных так называемых периодов творчества. Решетов вообще представляет мне птицей, вдруг заговорившей по-русски и в рифму. Как Пушкин и Мандельштам, Решетов создаёт свою поэтическую судьбу, не летопись её, а плоть и кровь поэзии, языка и культуры. У него каждое стихотворение – это духовный, нравственно-эстетический поступок поэта, гражданина, мужика. Решетов был равнодушен к поиску и оценке своего места в истории литературы. Он – интуитивно – находит и определяет своё место в общенациональной трагедии («Я сын врага народа») и в литературе («Тень стихотворца/Тенью кружки/Пьёт участь горькую свою»).

Юрий Казарин (2008)

Одинокая, но не эгоцентричная личность автора этой книги если чем среди человеческого множества и выделяется, так это пожизненной преданностью слову и выстраданным пониманием того, что собственными стихами поэт творит не литературный свой образ, но самого себя.

В стихах А. Решетова не слово первично, а характер. Вот почему при всей традиционности и обычности оно не воспринимается банальным. Здесь за словом, повторим, – судьба души. Путь и тайна. Поэзия стала для поэта школой самообладания. Не в смысле самообуздания, а в плане самоосуществления, самообретения. Следования своей – в радостях и бедах, в поступках и чувствах – природе.

Леонид Быков (1995)

Творческий масштаб Решетова позволяет без натяжек размышлять о нем в контексте общих проблем русской культуры. В его поэзии и творческой судьбе с фундаментальной простотой выразились ее узловые конфликты – искусства и жизни, эстетики и этики. Он глубоко усвоил этический максимализм русской культуры, и эстетические конфликты его сознания коренятся в неразрешенной, точнее – неразрешимой, этической проблематике, унаследованной от русской литературы XIX века.

<...> Его драматически напряженный и художественно сосредоточенный поэтический мир имеет далеко не мест-

ное значение. Это крупное явление русской поэзии последних десятилетий. Явление, оставшееся непрочитанным, неузнанным. <...> Один из немногих он не поддался двусмысленности, скрытой в эпохе. Его осенняя тишина была слишком громкой на общем натужно бравурном фоне.

Владимир Абашев (1998)

В стихах Решетова разных лет постоянно обозначен контраст: черные «маруси» и «воронки» у подъезда, черный «мессер» – знаки гибели; черные птицы возле Иудина древа – знаки предательства. Но всему этому противостоят белый лист и белая ночь, снега белая холстина и вообще весь белый свет. А еще – милые акварельные краски детства в скупом их российском наборе 40-х годов: крылья красной бабочки чердачной, свет алой герани, зеленоватые глаза золотой кошки, красный пламень лесов, синее крыло синички, лазурит знакомой речки, синие цветы горького цикория у тюряги, багровая рубаха костра...

Зная о вечном противостоянии Добра и Зла в этом мире, Алексей Решетов твердо помнил, какова миссия поэта в нем...

Надежда Гашева

Радуга, которую, словно скакалку, держат в зелёных ладонях берёзы.

«Заветный аленький цветочек» – не просто расцветший на лесной полянке, а как будто перенесённый сюда из любви-

мой в детстве сказки. Тонконогие осинки, стоящие на «синих ковриках теней», кусты в зелёных рубашках на речном берегу, что вот-вот бросятся в воду и поплывут, «догоняя плоты»...

Такой, сказочно-красивой, ласковой к своему другу-человеку, раскрывается родная природа в лирических стихах молодого поэта-березниковца Алексея Решетова. Она, эта природа, ещё овеяна романтической дымкой воспоминаний и впечатлений детства, жадно хранящего в памяти жаркие краски лесных и луговых соцветий, приветливый шелест лесов с их манящими грибными и ягодными богатствами. И в то же время она, по признанию поэта, друг и советчик, помогающий «тоныше чувствовать и красивее жить».

И другие стихи А. Решетова созвучны стихам о природе своей искренностью, взволнованностью и задушевностью. Надо уметь верить людям, уметь находить в них прекрасное – утверждает поэт. Богатства людских сердец ещё более неисчерпаемы, чем богатства природы.

Владимир Радкевич (1959)

...У Вас отличный изобразительный дар – это, пожалуй, можно сказать без преувеличения. Вы умеете в нескольких словах – точных, свежих, образных – передать впечатление, представление и в стихах, и в повести. Вот, например, стихотворение «Снится сон слепому человеку». Эти «большие спелые глаза», которые во сне слепой «срывает, нагибая ветку», с деревьев и «вставляет их в глазницы», право слово,

производят такое впечатление, что от неожиданности не знаешь, что и сказать: надо же было найти этот старинный, да же, казалось бы, нелепый образ, чтобы с такой выразительностью и внутренней силой передать всю трагедию тоскующего по свету человека!

Юрий Белаиш (из открытого письма-рецензии, 1965)

Решетов Алексей Леонидович – настоящий поэт и заслуживает, чтобы его читали далеко за пределами его города. Доказательство – стихи. Вот одно, неназванное:

*Светлолюбивы женичины. Они
Не могут пыль на стёклах окон видеть,
Им докучают пасмурные дни,
Их чёрным словом так легко обидеть.
И светоносны женичины. Нельзя
Представить даже, что на свете будет —
Исчезни вдруг их ясные глаза
И маленькие матовые груди.*

Вот, кажется, тема – исписанная, исхоженная, выжатая до последней степени. И три звёздочки над этим стихотворением, как три сосны, меж которыми не сыщешь новой тропы. Решетов же сыскал.

Борис Слуцкий (1965)

Пора замаливать стихи,

*Стихи замаливать пора мне,
Встав за кузнечные мехи
Или обтёсывая камни.
Откуда знать, в конце концов,
Быть может, я ценою муки
И отыскал своё лицо,
Но потерял при этом руки.*

Удивительна смысловая ёмкость подлинной поэзии! Восемь выстраданных строк – и мы вошли в конфликтную ситуацию, которая, пожалуй, будет решена только в бесклассовом обществе. Кто из «интеллектуалов» не переживал этой тоски по действию? Да, конечно, овладевая массами, твоя идея становится материальной силой, но от этого не легче, когда видишь, что сверстники *предметно* строят будущее из стали и бетона. Первый решающий признак таланта и состоит, по-моему, в такой своевременности и глубине разработки темы. И пусть интонационно голос Решетова не громок – он не кричит, он размышляет вслух, – но Решетов «громок» мыслью, «громок» образом...

Борис Марьев (1968)

Служение искусству в стихах Решетова представало делом возвышенным и благородным, в высшей степени самоотверженным. Художнику дан дар оценить «прообраз чуда», который «не оцениваем мы».

«Правда – моя королева. Я её верный солдат!» – рефре-

ном повторял Решетов в стихотворении «Нету милее напева...». Поэт славил художника, который «не писал своих героев, а впалой грудью защищал» («Автопортрет»). Воссо-здавалась атмосфера повышенной строгости и требовательности к людскому словотворчеству («Волчица», «В заповеднике лани...», «Как будто бы еретики...»). Поэт сжигает себя, «переживая тысячи смертей и чьих-то несложившихся любовей» («Поэты»). И постоянно в сознании Решетова возникает пушкинский образ – как высший идеал поэта и как живая традиция.

Решетов – мастер лирической миниатюры. Он густо пишет, а происходит это благодаря тому, что весьма выразительны образы его стихотворений, и сила их умножается посредством взаимодействия и чёткой композиционной связи.

<...>

Художественная мысль А. Решетова прозрачна, она не маскирует свою структуру, стремится к наиболее полному и точному выражению содержания.

Юрий Никишов (1976)

Небо поэзии Решетова держится на неизменных основах, которые славят так или иначе каждое его стихотворение. Мы видим мироздание поэта как «систему» ценностей, благодатей, живых святынь. «Светлолюбивы женщины...» – начинаются стихи. Вторая строфа: «И светоносны женщины...» Возвышенные постулаты могут и не провозглашаться, но они звучат в каждом стихотворении Решетова, величающем жен-

щину, русскую женщину, жену, мать... «Петь устала, говорить устала, только доброй не устала быть». Любимая сравнивается с Родиной: «Ты у меня, как Родина, одна...» Поэт молит женщину: «Пойди за меня, назови меня мужем...» Он пылко восклицает в другом стихотворении: «Какой сюрприз, какое чудо хотя бы женское письмо!» И вместе с тем, этот порыв служит доказательством определённой мысли.

Поэзия Решетова, я бы сказал, ритуальна, обрядна, — конечно, в переносном, поэтическом смысле. И лирическое, непосредственное переживание соотносится с пафосом добра. Решетов не останавливается подчас перед «наивным» утверждением банальных истин впрямую — это входит в стиль поэта. Если «наивность», то присущая сказке, лубку, народному искусству. Поэзия Решетова к лубку не сводится; её своеобразие, её неповторимая интонация открываются в переплетении «наивного» пафоса с зоркостью, чуткостью, ранимостью поэта. В несовпадении предустановленного с пережитым — драматизм поэзии Решетова.

Станислав Лесневский (1981)

Решетов в своё время настораживал многих глубокой печалью своих стихов. Но ведь печальная песнь не похоронная. И колыбельная песнь может быть печальной. Это песнь над трудной, но и светлой судьбой человека и целого народа. Она не может быть легкомысленной. Грустная, а порой и трагическая нота в стихах поэта — это не модная дань времени, а выстраданная, своя, кровная. И не нужно считать, что война

была уже давно и пора петь только весёлые песни. Увы, не только. Для глубокой человеческой природы трагические события не сходят на нет. Их смысл раскрывается по мере духовного постижения. А в истории всё ещё сложнее, и, порой, ещё трагичнее. Это-то и понимают большие поэты, как Решетов, ранимые более, нежели это можно себе представить. Отсюда всё значительное в литературе.

Леонид Королёв (1981)

Читая Решетова и думая о нём, о его судьбе – живёшь в тихом, неослепительном свете осеннего дня.

Поэт, получивший первое признание как тонкий своеобразный лирик ещё в начале шестидесятых, не покинул родного Урала, не отправился искать счастья на чужой стороне. Хотя, конечно, звали в дорогу. Была возможность прилепиться к одному поэтическому поколению, к другому... Но все агитпоезда Решетов проводил, наверное, тем сумрачно-смущённым взглядом, каким он смотрит на читателя с той фотографии, что помещена в книжке.

Издалека его судьба выглядит самоизоляцией. Или по старинке говоря – уединением. Вдали от столичных искушений, моды, общественного поприща – тоже, можно сказать, романтика.

А на самом деле – совсем *другая жизнь*. Романтики в ней и со спичечный коробок не наберётся.

Дмитрий Шеваров (2002)

Стихи А. Решетова очень лаконичны. Жанр лирико-философской миниатюры, видимо, излюбленный у поэта. Естественно, что он требует чрезвычайно тщательной работы над словом, над его смысловой загруженностью. В афористичных, сжатых стихах А. Решетова много проповеднического, но без назидательных интонаций. В лучших своих вещах поэт убедительно доказывает, что многословная риторика вообще несовместима с подлинным мастерством.

Николай Кузин (1986)

Стихи Алексея Решетова, поэта, живущего в Перми, широко известны и прочно любимы истинными знатоками русской поэзии. И вовсе не потому, что его книги выходят часто и массовыми тиражами. Скорее, наоборот – за 27 лет профессиональной работы издано всего семь поэтических сборников, многие стихи в них повторяются. Значит, дело вовсе не в количестве стихов и тиражах.

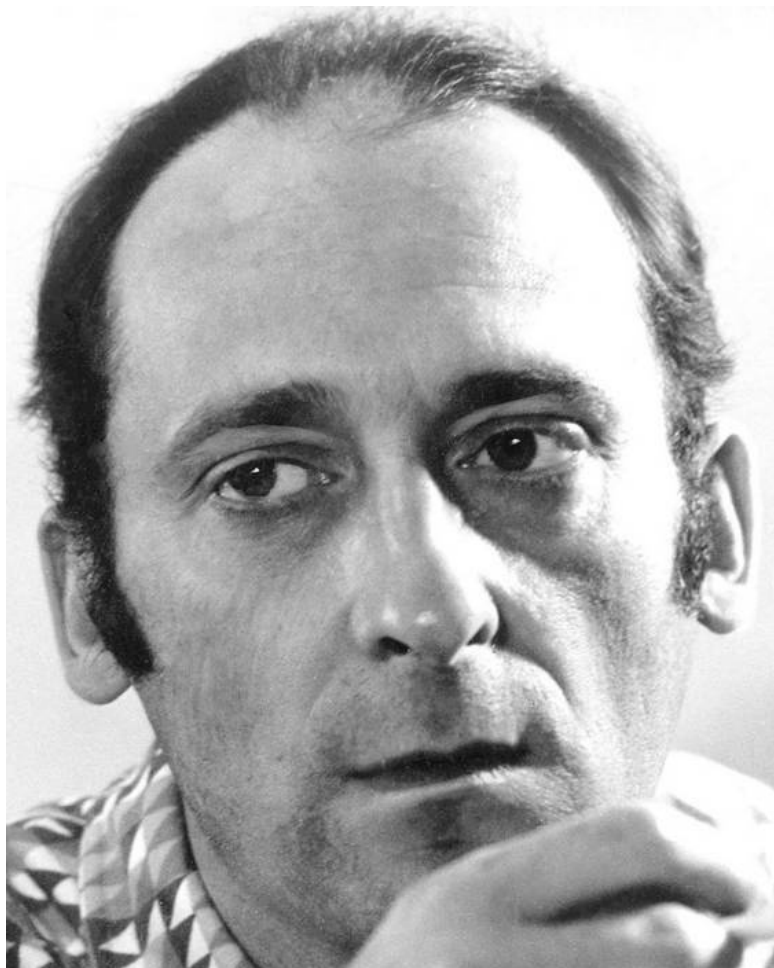
В чём же секрет? Почему в море массовых стихов читатель останавливает своё внимание именно на многих решетовских строках? На это сам поэт вряд ли сможет ответить достаточно ясно, ибо рождение лирического откровения невозможно проанализировать, анатомировать, разложить по логическим полочкам.

Кроме вполне понятной радости после рождения стихотворения, у по-настоящему талантливых людей есть постоянная боязнь потерять свой «божий дар». Мучительное это состояние, попытка осмыслить его – одна из ведущих тем в

творчестве Алексея Решетова.

Герман Иванов (1988)

1950–60-е гг.

Сумерки

Сероглазые сумерки глянут в окошко
И уйдут, как обиженный гость;
И гостинец неотданный – звезды в лукошке
Разбросают по небу. И первая горсть
Будет тлеть до рассвета на пиках еловых.
А назавтра, влюбленные в нас без конца,
Сероглазые сумерки явятся снова,
Будто им, а не солнцу открыты сердца.

1957

«Ещё не знаешь точно дня рожденья...»

Ещё не знаешь точно дня рожденья
Цветов, листвы, душистых мягких трав,
Но видишь, как идут приготовления
В семье полей, полянок и дубрав.
Вот и ручей запел под снегом тонко
О том, что зелень смотрится в него.
Так мама расшивала распашонку
Задолго до рожденья моего.

1958

Руки

Навек остыли руки рыбака.
Но как похожи на живые руки,
Скреплённые при помощи шнурка,
Большие и тяжёлые, как муки.
Неужто им и вёсел не держать,
В раздумье рыжей не сгребать бородки?
Так просто возле ворота лежат,
Как в ливень перевёрнутые лодки.

1958

«Знакомая запевочка...»

Знакомая запевочка
Слышна издалека,
Неведомая девочка
Идёт от родника.
А ветер вьётся около,
Горят цветы кругом...
В одном ведёрке – облако,
И солнышко – в другом.

1958

«На траве золотистые блики...»

На траве золотистые блики,
Ствол сосновый в душистой смоле,
И румяной щекой земляника
Прикоснулась к прогретой земле.
А над Камой, жарой опалённые,
Низко-низко склонились кусты.
Им бы сбросить рубашки зелёные
И поплыть, догоняя плоты.

1958

«Кофточка застенчивого цвета...»

Кофточка застенчивого цвета,
Под косынкой – золотая рожь.
Женщина тиха, как бабье лето,
Протянула запотевший ковш.
Ничего она мне не сказала,
Просто поспешила напоить.
Петь устала, говорить устала,
Только нежной не устала быть.

1958

Земля

В ней золотые жилы не устали
Ждать, что за ними дерзкие придут.

В ней кости и зелёные медали
Солдат, которых девушки не ждут.

В ней всё, в земле:

начало радуг, хлеба,

Тонюсенькой черёмухи, ручья.

И эту землю на седьмое небо,
Живой и мёртвый, не сменяю я.

1959

Небо

На дымок из русской печки
Опирается оно,
На три кедра возле речки
Опирается оно.
И над явью и над былью
Наших дней и прошлых лет
Режут небо птичьи крылья,
Режут, режут, – следа нет.
Нет конца и края небу.
Нет конца, но до клочка
Эта синь над морем хлеба,
Над пиликаньем сверчка,
Над пробитой в травах стёжкой,
Над прищуром добрых вод
Нам близка: мы все немножко
Подпираем небосвод.

1959

«Ставень хлопнул...»

Ставень хлопнул,
Гаснут краски.
Путь-дорога далека.
Колобок из русской сказки
Закатился в облака.
Сонный лось жуёт кувшинку,
Запивает из реки.
Тополиную пушинку
Сонно нянчат ветерки.
Спят лисицы-огневушки,
Спят ежата под сосной,
Спят волнушки на опушке —
На околице лесной.
Вон берёзонька прямая
Задремала в тишине,
Через голову снимая
Платье, сшитое к весне.

«С лесной берёзы, с белого плеча...»

С лесной берёзы, с белого плеча,
Запела птица про мою печаль,
Про то, что я, наверное, смешной,
Про то, что ты смеёшься надо мной.
А ты пройди по травам босиком —
И лёгкий след я пригублю тайком.
Ты по воду пойдёшь — и на пути
Я встречу, чтобы ношу донести.
Ты будешь жить

В морозе здешних зим,

Я буду добрым солнышком твоим.
Ты станешь задыхаться, близких звать,
А я вакцину буду открывать.
Тебе венки из стружек принесут,
А я тебя, остывшую, спасу,
Как сломанную ветку подниму
И не отдам ни смерти,
никому!

Дворик после войны

Мирный дворик.
Горький запах щепок.
Голуби воркуют без конца.
В ожерелье сереньких прищепок
Женщина спускается с крыльца.
Пронеслось на крыльях веретёшко —
То есть непоседа-стрекоза.
Золотая заспанная кошка
Трёт зеленоватые глаза.
У калитки вся в цвету калина,
А под ней – не молод и не стар —
Сапогом, прошедшим до Берлина,
Дядька раздувает самовар.

1960

«Какие чудо-маки...»

Какие чудо-маки
У нас в саду цвели!
Казалось, что из магмы
Самой они взошли.
Под тенью тучи серой
Их пламень не утих.
И словно пули в сердце
Входили пчёлы в них.

1960

«Настали дни суровые...»

Настали дни суровые,
И спрятаться спешат
Под шали под пуховые
Серёжки на ушах.
В лесу озябла клюквинка,
Меж кочек лёд блестит,
И пар идёт из клювика,
Когда снегирь свистит.

1962

«Я помню: с тихою улыбкой...»

Я помню: с тихою улыбкой
Скрипач, что на войне ослеп,
Водил смычком над тёмной скрипкой,
Как будто резал чёрный хлеб...

1962

«Ах, до чего же осень глубока!..»

Ах, до чего же осень глубока!
В лесу глубоко, во поле глубоко.
Она, как полноводная река,
А я – рыбак в челне своём убогом.
И вот уже я чувствую – тону.
Но мне дышать всё легче,
 как ни странно,
И старая замшелая поляна —
Речное дно. Хожу себе по дну.
Подводный мир!
 Волшебно хороши
Листы растений,
 розовых и рыжих.
И вся печаль смывается с души
Среди поющих в день осенний рыбок.

«Может, чёт – а может, нечет...»

Может, чёт – а может, нечет,
Может, плакать – может, нет.
Может, утро – может, вечер.
Может, темень – может, свет.
Может, дальний голос вьюги,
Может, тихий волчий вой.
Может, губы – может, угли.
Может, сторож – может, вор.
Может, я тебя бросаю,
Может, я тебя ловлю.
Может, я тебя спасаю,
Может, я тебя гублю.

Михайловское

И не видать в окне Россию,
Всю погружённую во мглу,
И только пёрышком гусиным
Скрипит сверчок в своём углу.
И льются нянюшкины песни,
Как будто слёзы по щеке,
И драгоценных женщин перстни
Горят на пушкинской руке.
И на одной из стен лачужки
В глухом неведомом краю
Тень стихотворца тенью кружки
Пьёт участь горькую свою.

1962

«Ах, Пушкин, Пушкин, милый Пушкин...»

Ах, Пушкин, Пушкин,
 милый Пушкин,
Чего пустой бульвар стеречь?
Приди ко мне, погрейся пуншем —
Гранитный плащ не греет плеч.
Всё те же снега, те же сани,
Идалии и Натали,
И только няни,
 бедной няни
Твои друзья не берегли.
Каких я вин заморских не пил,
Каких не нашивал оков —
Стучит,
 стучит мне в сердце пепел
Твоих золотых черновиков.

Поэты

Л. И. Давыдычеву

Поэты погибают не от пуль,
Поэтов сокрушают не наветы:
Сам по себе мучителен их путь,
Самих себя не берегут поэты.
Расширены глаза, как у детей.
Попробуй жить
и не растратить крови,
Переживая тысячи смертей
И чьих-то
несложившихся любовей!
Да, чистой кровью пишутся стихи,
Да, вечно
словотворчество людское,
И с красной начинается строки,
И красной завершается строкою.

Костёр

Как истинно талантливый актёр,
Чьим мастерством
 нельзя не восхищаться,
Всю ночь горел
 в глухой тайге костёр,
Не уставая перевоплощаться.
И ярок был его короткий век,
И смерть его была
 как роль живая,
В которой умирает человек,
Багровую рубаху разрывая.

1962

Белый лист

Виктору Болотову

О, белый лист, поэту ты претишь,
Так белый флаг немыслим для солдата.
Так белой ночи давящая тишь
В рыданиях девичьих виновата.
Но полон чуда, веры, торжества
Тот миг, когда естественно и просто
Приходят вдохновенные слова
На лист, необитаемый, как остров.
О, белый лист – как белое чело,
Как белые больничные постели,
Как белый снег, что рухнул тяжело
От выстрела на пушкинской дуэли.

1963

«Мы в детстве были много откровенней...»

Мы в детстве были много откровенней:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.